

«Я грузин. Буду жить до ста лет!»

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения **Джорджа Баланчина**. В России юбилей Баланчина отмечают **Мариинский театр**, дающий балет Баланчина «Драгоценности», и **московская галерея «Дом Нащокина»**, открывающая выставку **фотографа Пола Коллика**, снимавшего спектакли Баланчина в **New York City Ballet** на протяжении 30 лет.

Июль 2004 - 22 янв 2013

Ольга ГЕРДТ

Фраза «Буду жить до ста лет» фигурирует в книге Сергея Довлатова «Не только Бродский». Среди историй о русских эмигрантах у Довлатова есть и анекдот о том, как Баланчин не хотел писать завещание, а когда все-таки написал, то оставил брату в Грузии пару золотых часов, а все свои балеты раздарил восемнадцати любимым женщинам. Все балеты — это 425 сочинений. Цифра, не поддающаяся осмыслению. Это даже не 150 балетов Ролана Пети, который любит повторять, что он более плодовит, чем Пикассо. Это колоссальное наследие, из которого обывателю известны два-три названия («Аполлон», «Хрустальный дворец» да, пожалуй, «Блудный сын»), а специалистам — несколько десятков. Показать все, что на-

сочинял Баланчин, не сможет в юбилейный год даже его родной театр New York City Ballett, в 2004 году восстановивший сотню названий.

Георгий Мелитонович Баланчивадзе, получивший фамилию Баланчин благодаря Дягилеву, у которого он поставил свои первые шедевры после того, как в 1924 году уехал на гастроли из России и уже не вернулся, был плодовит и по божьей воле, и потому, что часто вынужден был просто зарабатывать на жизнь. В трудные времена он ставил в Голливуде, делал ревю, обслуживал различные шоу и мюзиклы. Ставил даже в цирке. О чем тоже существует замечательный анекдот, но уже в книге Соломона Волкова «Страсти по Чайковскому». Разговоры с Джорджем Баланчиным». Балетмейстер заказал Стравинскому польку. «А для кого полька?» — поинтересовался компози-

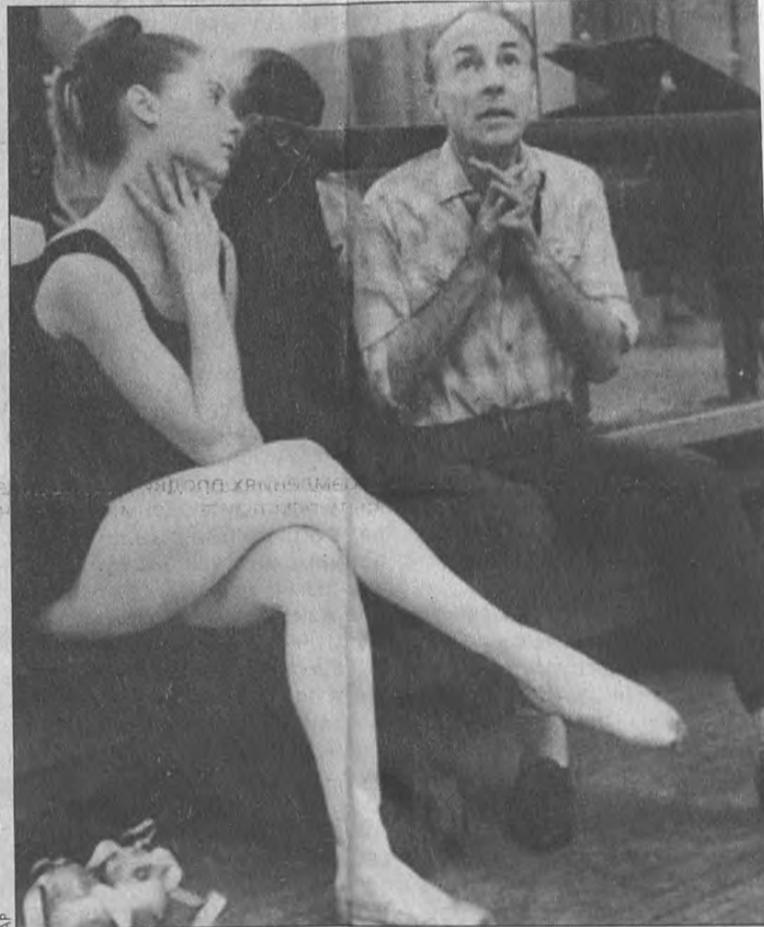
тор. «Для слоники», — ответил Баланчин. Уточнив, молодая «балерина» или старая, композитор написал польку с посвящением: «Для молодой балерины слоники».

Анекдоты, которых о Баланчине не меньше, чем о Дягилеве и Нижинском, Бродском и Барышникове, — признак того, что великий американский балетмейстер, адаптировавший русскую классику для великой и наивной в отношении балета нации, остался в нашем сознании и нашем восприятии русским эмигрантом. То есть «нашим» — несмотря на все американизмы его балетной речи. Это обстоятельство долгое время мешало ставить его балеты в советской России, это же обстоятельство в постперестроечное время создало культ Баланчина — великого, непостижимого, танцевать которого в силу невероятной сложности трудно, но надо. Чтобы не отстать, чтобы приобщиться к наследию, которое досталось не только любимым балеринам, но и всему миру.

Время трезвого отношения к Баланчину еще не наступило, а оно придет, когда его балерины и-

дут в «ноги» и репертуар хотя бы десятка российских театров, а публика выучит еще пять-шесть названий. Тогда, возможно, священный трепет перед термином «неоклассика Баланчина» сменится спокойным отношением к величайшему из ремесленников XX века, который, по меткому выражению Бежара, «перенес в эру межпланетных путешествий аромат куртуазных танцев, украсивших своими гирляндами дворы Людовика XIV и Николая II».

Если взглянуть на карту юбилейных торжеств, опубликованную New York City Ballett, то можно увидеть, что только с декабря по февраль более тридцати театров мира прокатывают его балеты. Это сотни названий. В январском календаре есть и Мариинский театр — самый трепетный из российских претендентов на наследие балетмейстера, начинавшего карьеру именно в Петербурге. Сегодня, 22 января, здесь дают «Драгоценности»: балет, в котором Баланчин благодарит и воспеваает три школы, три страны, его вскормившие: Францию («Изумруды»), Америку («Рубины») и Россию («Бриллианты»).

1963 год. Джордж Баланчин со своей последней музой, Сьюзен Фаррелл, владеющей сегодня правами на его балеты